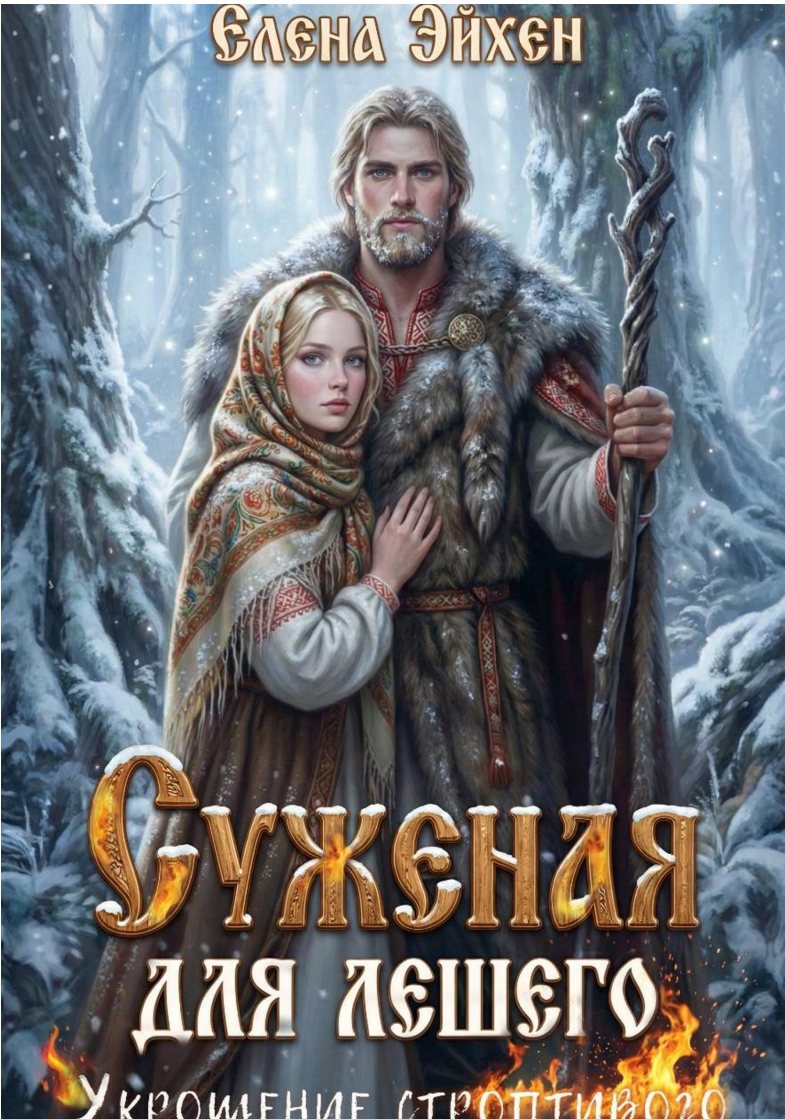

Елена Эйхен

A man with a beard and long hair, wearing a fur coat and a red patterned shirt, stands in a snowy forest. He holds a wooden staff. A woman with blonde hair, wearing a patterned shawl and a white dress, stands next to him, her hand resting on his chest. The background is a misty, snowy forest with bare trees and falling snow.

Суженая для лешего

УКРОШЕНИЕ СТРОПТИВОГО

Елена Эйхен

Суженая для лешего.

Укрощение строптивого

<https://litres.ru/73596761>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сказка полностью завершена и в пятницу станет платной!

Вместо сватовства с первым парнем на деревне — фиктивный брак с лешим!

Гуси-лебеди снова унесли моего братца — и, как водится, крайней оказалась я.

Чтобы догнать их, я готова на все, даже терпеть общество дикого, косматого и ужасно вредного сына лесного духа. Он совершенно не приспособлен к нормальной жизни. Рычит на зверей, спит на земле и терпеть не может людей. Особенно — меня.

Я намерена использовать его как проводника к Бабе Яге, а он меня — как прикрытие перед отцом, чтобы не жениться на кикиморе.

В программе:

- Суровая зима и настоящие чудеса
- Героиня, которая построит любого (даже Печку и Речку)
- Леший, который учится быть человеком

- Любовь, расцветающая среди снегов

Содержание

Глава 1. Крещенский переполох	6
Глава 2. Странная помолвка	15
Глава 3. Двое в комнате	21
Глава 4. Леший сопротивляется	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Эйхен

Суженая для лешего.

Укрощение строптивого

Глава 1. Крещенский переполох

За окном трещал мороз – такой лютый, что брёвна в стенах глухо постанывали. Но в натопленной горнице было тепло и спокойно. Пахло оплывающим воском, сушёной мятой и сладкими пирогами с брусникой. Полумрак разгоняли лишь несколько свечей, бросая на стены причудливые пляшущие тени.

Самое время для святочных гаданий.

Я сидела в кругу подружек в своём лучшем платье, до побеления пальцев вцепившись в косу. Дурная привычка: стояло заволноваться – руки сами тянулись к волосам. А как тут не волноваться? В тазу с водой медленно застывал воск, и я с замиранием сердца пыталась разглядеть в его очертаниях плотницкий топор. Или хоть стружку. Все мои мысли в тот вечер занимал Фрол-плотник – первый парень на деревне.

– Ой, гляди, Алёнка, у тебя медведь! – хихикнула Дуняша, самая бойкая из подружек, тыча пальцем в бесформенную восковую кляксу.

– Скажешь тоже – медведь, – я фыркнула, стараясь скрыть досаду, и закинула косу за спину. – Это сруб. Значит, к хозяйственному мужу. К Фролу!

Девичий смех рассыпался по горнице. Гадать на суженого было весело – но вскоре тени на стенах стали казаться слишком длинными, а вой ветра за окном – слишком тоскливым.

И тогда Дуняша, любительница пощекотать нервы, понизила голос:

– А знаете, девоньки, чего в лесу творится? В Заповедном-то...

Повисла тишина. Мы разом вспомнили, что деревня наша стоит у самой кромки чащи.

– Говорят, проснулся Хозяин лесной, – зашептала Дуняша, округлив глаза. – Леший. Да такой лютый, какого деды наши не видывали. На человека-то и не похож вовсе: ростом до неба, вместо волос – мох седой да ветки, а когти – что серпы. Рыкнет – медведи со страху в берлоги забиваются.

Я снисходительно хмыкнула: ну и чушь! – но почему-то поплотнее закуталась в шаль.

– Спит он на голой земле, в сугробе, а ест сырое мясо, прямо с костями, – Дуняша явно упивалась нашим страхом. – И людей терпеть не может. Забредёт охотник в чащу – пищи пропало. Глянет на него Леший, дыхнёт морозом – и нет человека. Стоит на его месте трухлявый пенёк.

Кто-то из девушек испуганно охнул.

– Но хуже всего, – Дуняша подалась вперёд, и пламя свечи снизу осветило её лицо, – хуже всего, ежели ему девка приглянется. Молодых да румяных любит. Утащит в самую чащу – и поминай как звали. Была девка – стала нечисть лесная.

Я расхохоталась, разбивая наваждение.

– Ой, Дунька, ну и сказочница! Сырое мясо, когти-сер-

пы... Это ж дикарь какой-то, а не Хозяин леса. Да и на кой лешему девки? Ему кикимор болотных мало?

Подруги облегчённо засмеялись. Морок рассеялся, снова запахло пирогами, а страшилки стали просто глупыми байками.

Но тут свеча затрещала и погасла, а за окном протяжно ухнул филин – и по спине у меня пробежал холодок. Пальцы сами нашли кончик косы. Конечно, ни в каких леших я не верила. Но в груди поселилась странная тревога, будто Заповедный лес подступил к самому порогу и прислушивается.

И тут дверь с грохотом распахнулась.

Девчата завизжали. Дуняша побледнела и чуть не опрокинула таз с воском.

– Алёнка! Алёнка, ты тут?! – раздался до боли знакомый ломающийся басок.

Я выдохнула. Никакой не леший.

В дверях стоял соседский Васька, друг моего братца. Весь в снегу, шапка набекрень, глаза круглые – дышит так, словно от самой столицы бежал без остановки.

– Васька? Ты чего всполошился? – нахмурилась я. – Случилось что?

– Алёнка... там... там это... – он никак не мог отдышаться. – Там Ванька твой!

Я похолодела. Иванушка. Ну конечно, кто же ещё. Если в деревне что загорелось, утонуло или сломалось – к бабке

не ходи, в самой середине беды непременно сыщется мой младший братец.

— Что на этот раз? — я обречённо вздохнула. — Опять у старосты петуха с забора утащил? Или на спор в прорубь сига-нул?

— Хуже! — Васька, наконец, отдышался и жалобно шмыгнул носом. — Мы на речку пошли. А там гуси-лебеди Ягины на льду сидели. Ну, Ванька и давай хорохориться — мол, взрослый уже, не боюсь я их, сейчас им перья-то повыщипываю! Стал снежками швыряться да дразниться. А они... они как взовьются! Налетели тучей, схватили его за тулуп — и в небо!

У меня потемнело в глазах.

Гуси-лебеди. Снова.

Давно это было, словно в другой жизни: мне десять, брату пять, я заигралась с подружками — а крылатые твари унесли его к Бабе-Яге. Тогда я чудом его вызволила. Но Иванушка-то вырос! Ему четырнадцатый год, усы пробиваются! И что за дурья башка — полезть дразнить волшебных птиц?

— И куда... куда они полетели? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— В Заповедный лес, — прошептал Васька, втягивая голову в плечи. — Прямиком туда.

В горнице стало тихо-тихо.

Все мои девичьи мечты — и Фрол, и сватовство, и свой дом — всё разом обратилось в пепел. Вместо гуляний — мороз и

чудища. Вместо посиделок с милым – погоня.

Меня захлестнула такая досада, что захотелось сесть на пол и зареветь. Или стукнуть кого-нибудь. Желательно братца – но до него ещё добраться надо.

– Вот же... – процедила я сквозь зубы. Рука сама дёрнула косу так, что в глазах защипало. – Я ему уши надеру!

– Алёнушка, ты куда?! – ахнула Дуняша, когда я решительно шагнула к выходу. – С ума сошла? Ночь на дворе! Там же Леший! Сожрёт и костей не оставит!

– Пусть подавится, – буркнула я, сбрасывая нарядную шаль.

Стянула с крючка овчинный полушубок, натянула старые валенки, повязала платок потуже. Сердце колотилось, руки подрагивали – но внутри разгоралась упрямая злость. Если с этого дурня хоть волос упадёт – сама тех лебедей на подушки пушу!

– Сидите тут, – бросила я притихшим подружкам. – И матушке пока ни слова, у неё сердце слабое.

Толкнула тяжёлую дверь – и шагнула в метель. Крещенский мороз ущипнул лицо. Впереди чернела стена Заповедного леса. Что ж... вот и проверим, правду ли люди про Хозяина сказывают. И есть ли он вообще.

Я бежала по заснеженной улице. Морозный воздух драл горло, колючий снег бил в лицо, полы полушубка хлопали по ногам. Шаль то и дело сползала – я машинально поправляла

её, проваливаясь в сугробы.

Деревня справляла Святки. Почти в каждой избе дрожал огонёк свечи, девичий смех долетал сквозь ставни. А мне – только собачий брех да вой метели.

На окраине мелькнула изба Фрола. Сердце кольнуло: завтра он придёт на рынок, станет высматривать меня в толпе – а меня и след простыл. И поди объясни потом, куда я подевалась в крещенскую ночь...

Чем ближе подступал Заповедный лес, тем быстрее таяла моя храбрость.

Слова Дуняши, над которыми я так беспечно смеялась в тёплой горнице, теперь стучали в висках.

«Ростом до неба... когти – что серпы...»

А если правда?

Впереди заскрипела сосна – и мне почудился утробный рык. Я сглотнула. А вдруг не сказки это? Вдруг он и впрямь там, во тьме, поджидает?

«Дыхнёт морозом – и стоит пень...»

Иванушка, дурень! Ну что тебе на печи не сиделось?!

Я остановилась на самой границе. Здесь заканчивался наш мир – обжитой, понятный – и начинался чужой. Деревья стояли так тесно, что сплетались ветвями в сплошной чёрный свод. Ни огонька, ни тропки. От леса веяло такой древней, глухой силой, что ноги сами просились назад – домой, под тёплое одеяло, к материнскому голосу.

Но нельзя. Где-то там, в этой тьме – Иванушка. Совсем

один.

Я зажмурилась. Простила мысленно матушку за все обиды, попрощалась с родной избой, с Фролом... Всё. Сейчас выйдет из чащи Хозяин, сгребёт когтистой лапой – и поминай как звали.

Сжала кулаки. Глубоко вдохнула. И шагнула под кроны.

В тот же миг метель стихла – будто кто невидимый захлопнул дверь. Навалилась такая тишина, что я слышала собственное дыхание. Только снег поскрипывал под валенками.

Лес молчал. Слушал. Ждал.

Внезапно впереди мелькнула тень.

Я застыла. Сердце оборвалось.

Вот оно.

Началось.

Сугроб у корней старого дуба шевельнулся. Из-за ствола шагнула высокая фигура.

Я зажмурилась, втянула голову в плечи – и приготовилась к худшему.

Тишина.

Ни рыка, ни ледяного дыхания в лицо. Только собственное сердце грохочет в ушах.

Я осторожно приоткрыла один глаз. Потом второй. И обмерла.

Передо мной стояло вовсе не чудище с клыками и когтями-серпами. На утоптанном снегу, скрестив руки на гру-

ди, застыл... человек? Высокий, широкоплечий, в странном кафтане, будто сшитом из еловых лап, коры и сухих трав. Из-за пояса, сплетённого из корней, торчал охотничий нож.

Он и впрямь был косматый – густые волосы падали на глаза, борода скрывала пол-лица. Дикарь дикарём. Взгляд такой хмурый и недобрый, что я попятилась.

Но тут он поднял голову, и лунный свет упал ему на лицо.

Я забыла, как дышать.

Глаза. Человеческие, живые. И такого цвета, какого я в жизни не видала – светлые, прозрачные, будто вода в роднике. Они смотрели на меня с тем же изумлением, с каким, верно, и я глядела на него.

Никаких когтей. Никаких клыков. Никакой гнилой коры вместо кожи – просто обветренное лицо, заросшее бородой.

«Ростом до неба, значит?» – пронеслось в голове. Да он всего-то на голову выше Фрола!

Я стояла разинув рот, как последняя дурёха. Хозяин леса, гроза округи, похититель девиц – оказался хмурым парнем в чудном одеянии.

Совсем не таким, каким я его себе представляла.

Я тряхнула головой, сбрасывая наваждение. Некогда разглядывать его глаза, пусть и невиданные. Кто бы он ни был – леший, не леший – время уходило. А чего ждать от этого лесного жителя, я не ведала.

– Эй... – голос дрогнул, но я упрямо вскинула подбородок. – Мне к Яге надо. Её гуси брата моего унесли. Пропу-

сти по-хорошему. А лучше – дорогу покажи.

Хозяин нахмурился. Смерил меня тяжёлым взглядом с головы до ног.

– Одна в лесу пропадёшь, – сурово ответил он, и голос у него оказался низким, рокочущим, как скрип вековых крон.
– А я не поведу.

Отвернулся – мол, разговор окончен.

Но вдруг замер. Медленно обернулся.

Его неземные глаза скользнули по мне, и в этом взгляде внезапно вспыхнула какая-то совершенно дикая мысль. Я даже отступить не успела. Молниеносный бросок – и сильные руки сгребли меня в охапку.

– Пусти! – я забилась, закричала, молотя кулаками по его мохнатому кафтану. – А ну, пусти, ирод лесной! Помогите!

Но он не слушал.

Игнорируя мои вопли, дикарь развернулся и решительно потащил меня напрямик в непроглядную, чёрную чащу.

Глава 2. Странная помолвка

Лес вокруг нас жил.

Стоило дикарю ступить в сугроб, как ветки орешника сами собой раздвигались, пропуская его, а меня так и норавли хлестнуть по лицу.

– Куда ты меня тащишь?! – я колотила кулаками по его спине, пыталась ухватиться за проплывающие мимо стволы, но пальцы лишь скользили по коре. – Пусти, кому говорю! Мне надо брата спасти!

Но похититель молчал. Он шагал широко, не оглядываясь, только крепче прижимал меня к плечу широкой рукой.

Мы шли недолго, но я успела промёрзнуть до костей и охрипнуть от крика. Вдруг деревья расступились. Я ожидала увидеть избушку на курьих ножках или мрачную пещеру, но перед нами возвышался дуб. Не просто дерево – настоящая гора древесины, крона которой терялась где-то в снежной мути ночного неба. Корни его, толщиной с добрый дом, выпирали из-под земли, образуя причудливые арки.

Леший – или кто он там был – рывком сбросил меня с плеча и поставил на ноги у расщелины между корнями.

– Входи, – прорычал он.

– И не подумаю! – огрызнулась я, пошатнувшись на затёкших ногах.

Он молча подтолкнул меня в спину. Пришлось нырнуть в

темноту, чтобы не упасть носом в снег.

Внутри оказалось неожиданно просторно и тепло. Пахло сушёными грибами, прелой листвой и почему-то липовым мёдом. Стены заменяла живая древесина, а вместо пола лежала утоптанная земля, усыпанная хвоей. Посреди этого логова в углублении тлели угли, не давая дыма, но разливая вокруг мягкий, красноватый свет.

– Явился, окаянный, – проскрипел голос, от которого с потолка посыпалась труха.

Я вздрогнула и попятилась, едва не наступив на ногу своему похитителю. Из полумрака, прямо из переплетения корней, отделилась фигура.

Если мой конвоир был похож на человека, хоть и одичавшего, то этот старик напоминал оживший пенёк. Борода у него была зеленовато-серой, словно мох, нос – сучковатым, а на голове вместо шапки гнездилась какая-то ветошь. Он сел на выступ стены, и, казалось, мгновенно в него врос.

– Где тебя черти носят? – Старик грозно сдвинул брови, похожие на кусты можжевельника. – Я уж думал, волки тебя задрали. Или лесорубы.

Дикарь, ещё минуту назад такой грозный, вдруг ссутулился и шагнул вперёд, заслоняя меня плечом.

– Дела были, батя.

– Дела у него! – Старик крякнул. – А тут Кикимора опять прибежала. Визжала так, что у меня все белки разбежались. Говорит, ты от неё бегаешь, нос воротишь. Грозилась боло-

то разлить до самого березняка, коли свадьбу не сыграем к весне.

Я переводила взгляд с одного чудища на другое. Свадьба? Кикимора? Куда я попала? Надо было бежать, пока они ругаются, но ноги от страха приросли к полу.

– Не будет свадьбы, – буркнул леший.

– Это как же не будет? – Старик начал подниматься, и теперь я увидела, какой он огромный. – Слово дано! Род болотный с лесным породниться должен! Или ты хочешь, чтобы она нам все тропы тиной затянула?

– Не будет, потому как занято моё сердце, – громко, с каким-то отчаянным вызовом выпалил леший. – Вот. Невесту притащил.

Он шагнул в сторону и дёрнул меня за рукав, выставя на обозрение, как мешок с репой.

Я поперхнулась воздухом.

– Чего? – только и смогла выдавить я.

Старик замер. Его маленькие, тёмные глазки-бусинки уставились на меня. Он подошёл ближе – тяжело, переваливаясь, скрипя суставами. Протянул руку, похожую на корягу, и бесцеремонно повернул мою голову к свету, рассматривая лицо.

– Человеческая, что ли? – недоверчиво протянул он. – Тощая больно. И глаза перепуганные.

– Зато смирная, – соврал «жених», не моргнув глазом. – И хозяйственная.

– Смирная? – Я, наконец, обрела дар речи и вырвалась из хватки старика. – Да вы что, белены объелись? Какая я тебе невеста?! Я тебя первый раз вижу, чучело ты огородное!

Старик вдруг расплылся в улыбке – жутковатой, щербатой, но искренней.

– Ишь ты! Голосистая. Не то что та, болотная, – всё пищит да жалуется. – Он довольно хлопнул себя по колену. – Ну, Елисейка, удивил. Коли так – пусть живёт. Всё лучше, чем с жабами родниться. Человеческая кровь – она горячая, живая.

Елисейка? Его зовут Елисей? Имя было слишком человеческим, слишком мягким для этого угрюмого детины.

Я открыла рот, чтобы высказать всё, что думаю об их семействе, о свадьбах и о том, куда им стоит пойти вместе с их Кикиморой, но тут стены дрогнули. По корням прошёл низкий гул, словно земля тяжело вздохнула.

Старик встрепнулся, приложил большое ветвистое ухо к стене.

– Опять медведь-шатун на дальней границе буянит, – он недовольно цокнул языком. – Спасу нет. Ладно, молодые. Обживайтесь. А я пойду, порядок наведу. Вернусь – проверю, как наша невеста печь топить умеет.

И он исчез. Просто шагнул в стену, и кора сомкнулась за его спиной, будто его и не было.

Мы остались одни.

Я медленно повернулась к Елисею. Он стоял, скрестив ру-

ки на груди, и смотрел на меня исподлобья.

– Ну, – тихо начала я, чувствуя, как злость вытесняет страх. – Сейчас ты меняпустишь. И покажешь дорогу назад. Или я твоему батюшке расскажу, какая я «смирная». Я тебе тут такой бунт устрою – Кикимора ангелом покажется.

– Не расскажешь, – спокойно ответил он.

– Это почему же?

– Потому что тогда я тебя ни к какой Яге не поведу.

Я замерла. Иванушка. Гуси-лебеди.

Елисей подошёл ближе. Теперь без елового тулупа, в одной рубахе, подпоясанной верёвкой, он казался ещё шире в плечах.

– Слушай меня, Алёна, – сказал он жёстко. – Мне эта женитьба нужна не больше твоего. Батя наседает, с болотом нас свести хочет. Если узнает, что ты не невеста, а так, мимо проходила – вышвырнет тебя в снег, а меня к Кикиморе под венец погонит.

Он сел на чурбак, заменявший лавку, и начал стягивать промокшие лапти.

– Предложение у меня такое. Ты до конца зимы изображаешь мою суженую. Ведёшь хозяйство, батю ублажаешь пирогами, не ноешь. А я тебя за это к Яге проведу.

– До конца зимы? – ужаснулась я. – У меня брата съедят за это время!

– Не съедят. Яга детей не ест, она их... к делу приставляет. – Он неопределённо махнул рукой. – Но сама ты до неё не

доберёшься. Лес сейчас дикий, чужаков не жалует. Замёрзнешь через версту. Или волки съедят. А я тропы знаю. Проведу.

Он поднял на меня свои странные прозрачные глаза.

– Решай. Либо ты моя невеста – и мы спасаем твоего брата. Либо иди на все четыре стороны. Дверь там.

Глава 3. Двое в комнате

– Ладно, – процедила я сквозь зубы, чувствуя, как слова горчат на языке. – Будет тебе невеста. Но запомни, леший: если хоть волос с головы брата упадёт, или ты меня обманешь – я тебе этот дуб на лучины распушу. Своими руками.

Елисей лишь хмыкнул, ничуть не испугавшись моей угрозы.

– Договорились.

Он развернулся и пошёл прочь, не оглядываясь, – видимо, полагая, что я потащусь следом. И я потащилась, злясь на себя за это.

Снаружи дуб выглядел как дуб. Ну, огромный – да. Ну, древний – конечно. Но всё же дерево, а не терем. Я ожидала, что внутри будет дупло, тесное и тёмное, пропахшее прелой листвой.

Я ошиблась.

За грубым лазом в корнях открылся коридор – настоящий, с земляными стенами, переплетёнными корнями, и потолком, достаточно высоким, чтобы Елисей шёл, не пригибаясь. Коридор ветвился. Уходил вниз. Уходил в стороны. По стенам тлели зеленоватые огоньки – не огонь, не светляки, что-то лесное, чему я и названия не знала.

– Сколько тут комнат? – вырвалось у меня.

Елисей дёрнул плечом, не обернувшись.

– Не считал.

Я заглянула в один из проёмов – просторная зала, потолок теряется в переплетении ветвей. В другой – что-то похожее на кладовую, заставленную горшками. В третий я сузиться не успела: Елисей свернул, и я побоялась отстать и заблудиться в этом странном дереве.

Он привёл меня в комнату – тесную, низкую, пропахшую смолой и сухим мхом. Одну. На двоих.

– Отец велел, – бросил Елисей, заметив мой взгляд. – Невеста должна показать, чего стоит. Хозяйство вести, очаг держать. – Он усмехнулся. – Так что живём вместе. Пока не решит, что ты сгодилась.

Я огляделась.

Ни занавески, ни перегородки, ни намёка на приличие. Земляной пол, корни по стенам, и тот же зеленоватый свет – тусклый, как гнилушка.

Зато на стенах висели портреты.

Я моргнула, решив, что мне мерещится, но нет – самые настоящие портреты, нацарапанные на бересте и вставленные в рамки из коры. На одном Елисей стоял бок о бок с Кошеем – оба хмурые, оба в чём-то меховом, и если бы не подпись корявыми буквами, я бы не сразу разобрала, кто из них кто.

На другом он позировал со здоровенным кубком в руке, грудь колесом, патлы дыбом – и выражение лица такое победное, будто одолел Змея Горыныча. Хотя судя по резной

надписи внизу, кубок был за что-то вроде «Лучший рёв на ночь Купалы». Или «Самая косматая борода Зачарованного леса».

Вот дела!

Я перевела взгляд с портрета на оригинал. Оригиналом был хуже. Волосы – спутанные космы, торчащие во все стороны, с застрявшими в них хвоинками, парой сухих листьев и чем-то подозрительно похожим на паутину. Борода – не борода даже, а заросли, из которых выглядывал нос и поблёскивали глаза – единственное, что напоминало о том, что передо мной всё-таки существо разумное, а не куст, научившийся ходить.

Елисей небрежно кивнул на кучу еловых веток в дальнем углу, прикрытую потёртой шкурой.

– Спать будешь там. И не храпи. Я чутко сплю.

Я открыла рот, чтобы сказать ему всё, что думаю о нём, о Лесном духе и о еловых ветках, – но осеклась. Потому что Елисей стянул через голову рубаху, швырнул её в угол и растянулся прямо на земле. На голой земле. Без подстилки, без подушки, без ничего. Как зверь, нашедший удобное место под кустом. Только куста не было.

Он закрыл глаза, и я решила было, что уснул, – но из коридора вбежала лисица. Мелкая, рыжая, с подпалиной на боку. В зубах она тащила что-то тёмное, бесформенное, и когда бросила это у ног Елисея, я поняла – мясо. Сырое.

Елисей сел, взял кусок и впился зубами – как в краюху

хлеба. Покосился на меня.

– Будешь?

И протянул второй кусок.

У меня свело желудок – не от голода.

– Нет. Спасибо. Я ем за столом. И... не это.

Елисей пожал плечами – мол, как хочешь – и вгрызся снова. Лисица улеглась рядом, пристроила морду ему на колено. Он кинул ей обрезок – цапнула на лету.

Семейный ужин.

Я отвернулась, села на лежанку – ветки кольнули сквозь шкуру – и уставилась в стену.

Вот, значит, как. Вот моя новая жизнь. Жених, который спит на голой земле, ест сырое мясо и рычит на лисиц. Комната без двери. Кровать из еловых лап. И я – невеста, которая должна ещё доказать, что «сгодились».

С ума сойти...

Я подтянула колени к груди и уткнулась в них лбом. В горле стоял ком, глаза жгло, и очень хотелось разреветься – громко, по-детски, навзрыд. Чтобы кто-нибудь услышал, пришёл и сказал: «Всё, хватит, пойдём домой».

Но никто не придёт. Дом далеко. А Иванушка – ещё дальше.

Вот так я и сидела, пока Елисей не уснул. А засыпал он как зверь – мгновенно, не ворочаясь. Дыхание выровнялось, стало тяжёлым. Лисица свернулась у его бока.

Тогда я подняла голову.

Хватит.

Вытерла глаза – зло, быстро. Вдохнула. Выдохнула.

Если Лесной дух хочет проверить, какая из меня хозяйка, – пусть проверяет. Если ему нужна невестка, которая умеет вести дом, – он её получит. Но невестка – это полдела.

Я глянула на Елисея. На спутанные космы, засохшую кровь на подбородке, босые ноги в земле.

Жениха тоже придётся привести в порядок.

Глава 4. Леший сопротивляется

Первая брачная ночь в дупле векового дуба представлялась мне как-то иначе. Ну, хотя бы с лавкой, застеленной чем-то помягче еловых веток. И желательно без присутствия нечёсаного лешего, который, судя по запаху, в последний раз видел воду ещё при царе Горохе.

– Значит так, суженый, – я решительно упёрла руки в бока. – Если ты собираешься спать здесь, то делать ты это будешь исключительно в чистом виде. И на ложе, а не на голом полу, как пёс бездомный.

Елисей, растянувшийся прямо на утопанной земле и с аппетитом обгладывавший какую-то подозрительную кость, замер. На его заросшем лице отразилось такое искреннее недоумение, будто я предложила ему сжевать собственные лапти.

– Чего? – пророкотал он, вытирая рот тыльной стороной ладони. – Я чист. Утром в снегу валялся. А пол – он земля, земля чистая. Вон ложе еловое – туда и ступай. А меня не трогай.

– Валяться в снегу и мыться – разница велика. От тебя разит старой берлогой, мокрым псом и тоской болотной.

– Тогда на ложе том мы оба спать будем, как мужу с женой положено, – он ухмыльнулся. – Не на разных же углах ночевать.

– Ещё чего! – Я аж поперхнулась. – Ты мне не муж. Сперва к ключу. Потом поговорим о том, где ты спать будешь.

– Не пойду, – он упрямо вздёрнул подбородок. – Вода ледяная. Я дуб сторожу, а не моржом работаю. И не грязь это – лесная броня. Леший я или кто? Не хочу мыться. Да и за чем? Через два дня опять тем же духом пропахну.

– Через два дня помоешься снова. А сейчас – ступай к ключу.

Я шагнула к нему, и Елисей невольно подался назад.

– Не подходи...

– Либо ты идёшь к ключу своими ногами, – я понизила голос до шёпота, – либо я тебя туда волоку за бороду. И тогда, клянусь, вымою с песком. Вместе с этой твоей лесной бронёй.

Он засопел, заворочался, глянул на своё обжитое место на полу – потом на меня. В моих глазах, видать, прочёл что-то такое, отчего спорить расхотелось.

Я сунула ему в руки обмылок – всегда с собой носила – и выставила за порог. Елисей что-то рычал себе под нос про «деревенских привередниц» и «дурные бабы выдумки», но под моим тяжёлым взглядом всё же поплёлся к ельнику, унося с собой и недогрызенную кость, и ворчание.

Я огляделась. Значит, здесь мне теперь жить.

Дупло было просторным – в человеческой избе и то теснее бывает. Но на этом достоинства заканчивались. По углам громоздились какие-то коряги, связки сухих корней,

пучки трав – то ли лечебных, то ли просто забытых. У стены темнела куча тряпья, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся старыми мешками. Пахло прелой листвой, зверем и чем-то кислым.

Еловое ложе, на которое меня так любезно отправляли спать, представляло собой охапку лапника, кое-как наваленную у дальней стены и прикрытую медвежьей шкурой, засаленной до хруста. Рядом – ещё одна куча веток поменьше.

Нет уж.

Я засучила рукава.

Сперва – мусор. Обглоданные кости полетели за порог, следом – какие-то ореховые скорлупки, огрызки, клочья непонятной шерсти. Потом взялась за спальные места. Шкуру вытащила наружу, выбила об дуб так, что с ветвей посыпался снег. Старый лапник выгребла и раскидала – от него несло затхлостью. Нарезала свежих еловых веток, благо ельник рядом, и выстелила два ложа, щедро и густо. Шкуру – мехом вверх – для меня. Хозяин обойдётся. Из мягкого сухого мха, что нашёлся в одном из мешков, соорудила подобие подушки.

Теперь – главное.

Лежанку Елисея я устроила у противоположной стены. Между нами теперь было достаточно расстояния, очаг посередине и моё решительное намерение это расстояние сохранить. Вместо подушки пристроила туго свёрнутый мешок. Сойдёт.

Напоследок смахнула паутину с потолка, разворошила золу в очаге и подбросила сухих щепок. Огонь занялся быстро, и дупло сразу стало будто меньше и уютнее. Плясали тени по деревянным стенам, тянуло дымком, потрескивали угольки.

Я села на своё ложе – пружинило мягко, пахло хвоей – и только тут позволила себе выдохнуть.

Ладно. Жить можно.

Когда дверь скрипнула, я невольно выпрямилась. Нет, Елисей не превратился в прекрасного принца в расшитом кафтане. Но теперь от него пахло морозом, хвоей и – совсем чуть-чуть – моим мылом. Мокрые волосы облепили плечи, с бороды капало. Он остановился на пороге, поёжился и окинул дупло недоверчивым взглядом – видно, заметил перемены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.